

Заплуталась деревня в «темном лесе» советских декретов и действий, заплуталась — и тщетно стремится выйти к свету и солнцу.

Где враги, где друзья, где зло и где правда, все это скрылось из сознания народного, а остался там лишь хаос противоречий.

Чутко ловит деревня каждую весточку из центра, пережевывает ее, по-своему истолковывает.

Собираются мужики вечерами на завалинках, подпирающих серые, соломой крытые избы, задумчиво глядят свои бороды и ведут степенные разговоры о судьбах мира.

Газет не читают:

— «Известия», што там пишут — врут все! Нам Ванюшка Малютин, что намедни приехал из Москвы, справедливее все обскажет.

Слушают нелепые рассказы Ванюшек, приехавших из Москвы, и день ото дня напряженнее чего-то ждут. Ждут перемены...

— Как дальше жить будем? Лошадь 12–15 тыщ стоит, да и за той надо под самый Тамбов ехать. Коров, свиней, телят — поели. Совсем переводится скотина в деревне, — потому держать ее нельзя: реквизируют. Земля родит плохо, да той нет: сколь народу из городов, с фабрик да с заводов понаехало — со всеми делиться надо!

И разговор вертится около Колчака и Деникина, около «зеленой» армии, двадцать два дня бьющейся с красными войсками «под самой под Москвой».

Внимательно прислушиваясь к этим, на первый взгляд, эпическим разговорам, вы невольно уловите общую мысль их, укладывающуюся в часто употребляемой теперь украинской поговорке: «Пусть будут ехать гирше, да инше».

Дезертиров много в каждой деревне — «Што им делать? За коммунистов кровь проливать. Пуцай сами за себя воюют...»

«Пуцай сами» — это классический аргумент употребляется постоянно.

Если вы попытаетесь убеждать, что борьба с Деникиным и Колчаком необходима во имя интересов крестьянства, которое с приходом их ли-

шится земли, — лица собеседников моментально становятся непроницаемыми:

— Оно конешно. Нешто мы не понимаем? Ну, а только у нас до революции насчет земли лучше было. Получили мы на общество, скажем, пятьсот десятин, а едоков в обществе прибавилось теперича почитай с тыщу. Вот тут и смотри сам.

Таково массовое настроение деревни. Но в каждой деревне, в каждом селе есть, конечно, сознательный элемент, великолепно понимающий и политическую, и экономическую обстановку, в которой находится Советская Россия.

Все усилия прилагают эти люди к тому, чтобы так или иначе рассеять все прогрессирующую реакционную в настроениях деревню, но в силу объективных условий немного удается им сделать в этом отношении.

Публичные выступления, направленные на защиту принципов советской власти и борьбы за нее, не содержащие элемент критики действий власти, рассматриваются как «контрреволюция», и перед осмелившимися выступить встает вполне реальная угроза — оказаться в «черезвычайке».

Такие условия парализуют значение подобных попыток, и создается поистине трагическое положение.

Может быть, прочитав последние строки, вы несколько усумнитесь: «Какие же теперь в деревне “черезвычайки”, когда даже уездные уничтожены декретом?»

Но декрет декретом, а жизнь идет своим чередом.

Недавно мне пришлось в одном из сел Тамбовской губернии познакомиться с очень молодым человеком, который при знакомстве, галантно раскланявшись, полностью назвал свой «титул»:

— Председатель волостной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем!

— ?!

Видя мое изумление, простодушный председатель счел нужным пояснить:

— Теперь, конечно, волостные и уездные коммиссии не существуют, но партия, между прочим, наблюдает. Я назначен от партии.

Не оставила деревня незамеченным новое отношение центральной власти к трудовому крестьянству, но поняла это по-своему и использовала по-своему.

Если раньше деревня совершенно безучастно относилась ко всем выборам в сельские и волостные советы («Пуцай сами кого хотят, того и выбирают»), то теперь она упорно отстаивает каждого своего кандидата, часто игнорируя все «разъяснения» волостных коммунистических ячеек.

О том, какое крупное значение придает деревня перемене курса политики в отношении крестьянства, видно хотя бы из того, что в деревне появились такие выражения: «Это было еще до Калинина» или «Это было еще при старых порядках».

Но и «новые порядки» не примирили деревню с господствующей партией: при всех перевыборах, если они протекали хоть в сколько-нибудь свободной обстановке, ни один коммунист не проходит в совет. Даже честные и дельные из них определенно бойкотируются. Настолько сильно в деревне недоброжелательство к коммунистической партии.

Пятиминутные «наскоки» на деревню «уполномоченных уполномоченного В.П.П.К.», конечно,

не в состоянии разрешить существующих в деревне недоумений.

Один крестьянин на мой вопрос: «Что нового у вас?» — так рассказал о приезде такого «уполномоченного от уполномоченного».

— Что новенького? Да вот намедни приезжал к нам товарищ Сабуров. Из центра... Говорили, будет разбирать наши дела деревенские, жалобы всякие от мужиков принимать. Ну, ждали его. Приехал... Минут пять прямо с тарангаса поговорил, да только его и видели...

— Что же он говорил?

— Да што говорил? «Мы, товарищи, да вы, товарищи» — только и делов от него слышали. А жалобы-то, грит, ко мне в город приносите, штоб писменно. Ну, которые посла ходили с бумагами в город, да толку-то, знать, никакого не вышло. Уехал уже.

Чтоб устранить это глубокое непонимание, эту непримиримость деревни, нужны не слова и паллиативы, а такие действенные меры власти, которые в сознании крестьянских масс преломлялись бы надлежащим образом; нужно, чтобы крестьянство действительно получило наконец возможность не на словах, а на деле — строить свою жизнь и жизнь всей страны по-своему, чтобы всякая опека была снята окончательно.

